

МЕТАФОРЫ ЖИЗНИ

На что настроишься – так и зазвучишь...

Неизвестный автор

Представилась возможность поразмышлять о том времени, когда мне посчастливилось встретиться и поработать в Томской областной организации общества «Знание» с учёными и творческими людьми Томска, Москвы и Санкт-Петербурга (Ленинграда). Рассказать, как эти авторитетные, талантливые люди своими лекциями, спектаклями, фильмами влияли на культурную атмосферу Томска и на меня лично. Вспомнить, как в детстве кино было главным моим увлечением, а затем стало любимой работой.

ЧЕХОВ И МЫ

«Что такое жизнь?» – спросили у Чехова. «А что такое морковка?» – спрятавшись за серьёзную шуткой, ответил Антон Павлович. Но рано или поздно придётся отвечать на этот непростой, но очень важный для каждого человека вопрос. В подтверждение приведу его рассказ «Скрипка Ротшильда», где главный герой скрипач Яков в последнюю минуту своей «скорбной и унылой жизни» нашёл силы повиниться и даже что-то в ней исправить.

Кто не знает, что А. П. Чехов во время поездки на Сахалин в 1890 году посетил Томск и что он ему не понравился? Томичи на его определение города «свинья в ермолке» не обиделись, а наоборот, то место, где он побывал, чтут и прославляют: на набережной Томи восстановили ресторан «Славянский базар», где он обедал, тут же ему поставили памятник. В тёплую летнюю погоду устраиваются «Чеховские пятницы» с музыкой, песнями, стихами и танцами.

«Я пишу жизнь», – говорил Антон Павлович.

«Я создаю образы», – может сказать томский скульптор Леонтий Усов. Диалог между ними в культурной жизни Томска состоялся. Томичи, как и Чехов, шутку ценят и понимают.

Сегодня А. П. Чехов – один из самых экранизированных русских писателей. По мотивам его пьес, рассказов и повестей снято около 200 фильмов, из них 30 отечественных.

Один из удачных отечественных фильмов «Дядя Ваня» снял Андрей Сергеевич Кончаловский. Зрителям известны его фильмы «Поезд-беглец», «Танго и Кэш», «Романс о влюблённых», из последних «Дорогие товарищи» и «Грех». Фильмы: «История Аси Клячиной, которая любила, но не вышла замуж» и

«Белые ночи почтальона Алексея Тряпицына» – его особый взгляд на простых людей, которые веками живут на родной земле и никогда ни на кого не надеются.

Впервые в истории Каннского МКФ его эпическому фильму «Сибириада» вручён особый приз – гран-при жюри, ставший второй по значению наградой смотра. «Сибириада» оставила заметный след в истории отечественного кинематографа, познакомила народы мира с нашей Сибирью, с её людьми и природой. Андрей Сергеевич приезжал в Томск, чтобы встретиться со зрителем и рассказать, как снимался один из шедевров отечественного кино. Этот сериал один из тех, над которым время не властно – всегда смотрится, как первый раз.

НЕМНОГО О ТЕХ, КТО ЗНАЕТ БОЛЬШЕ

Если попробовать по-житейски сравнить общество «Знание» советского периода с российским сегодня, то они, на мой взгляд, как два телефона: один проводной, для разговора на расстоянии, а другой – смартфон, компьютер в кармане. Два символа, две говорящие детали своего времени. В первом случае работа осуществлялась в реальном мире, а во втором осуществляется в реальном и сконструированном – виртуальном. Благодаря программному обеспечению может появиться что-то такое, что не существует в действительности.

Только знание на все времена останется отражением действительности в сознании человека, гуманистической ценностью, «человеческой силой» (Ф. Бэкон). Жизнь остановится, если прекратится познание. Зримый образ фрески «Знание» американского художника-импрессиониста Роберта Рида (1862–1929) лучшее тому подтверждение. Надпись под ней гласит: «Невежество – божье проклятие. Знания – крылья, поднимающие нас в небеса» (Уильям Шекспир, Генрих 6, часть 2). «Знание» изображено в сферической форме в образе прекрасной дамы на фоне неба, держащей на коленях чистые листы бумаги, словно Богородица с младенцем на руках.

Всесоюзное общество «Знание» того времени можно назвать живой сетью. Лекционной работой была охвачена вся страна, начиная с городов и заканчивая дальней деревушкой. Это была настоящая кузница лекторских кадров: съезды, семинары, конференции давали возможность учёным совершенствоваться в лекторском мастерстве, узнавать много нового, общаться между собой и обмениваться опытом.

Зная общество «Знание» изнутри, могу сказать, что это была исключительная общественная организация по составу входящих в неё людей. Она объединяла лучших лекторов-учёных, способных делиться своими знаниями с людьми разного возраста и образования. Оказавшись в таком обществе, невольно устремляешься в этом же направлении.

Томскую областную организацию общества «Знание» возглавляли правление и его президиум, куда входили ведущие учёные вузов и НИИ Томска. Это были яркие личности, известные своими достижениями в науке: доктор физико-математических наук, директор НИИЯФ Диденко Андрей Николаевич; член-корреспондент, доктор физико-математических наук Месяц Геннадий

Андреевич; доктор медицинских наук Гольдберг Евгений Данилович; доктор физико-математических наук Панин Виктор Евгеньевич. Тут же с удовольствием отмечу штатного руководителя – первого заместителя председателя, кандидата исторических наук Залесова Геннадия Михайловича. Этому посту, на мой взгляд, он соответствовал во всех отношениях, как по уровню знаний, так и по человеческим качествам. За десять лет совместной работы не видела его хмурым или раздражительным: дипломатичность, доброжелательность, нередко заразительный смех благоприятствовали здоровой атмосфере в коллективе. А ведь это было время коммунистического режима, где нужно было строго придерживаться таких понятий, как идеологический фронт и пропаганда. Можно предположить, что сложных ситуаций было предостаточно.

Помимо знаний учёных того времени, как я теперь понимаю, объединяло одно очень хорошее человеческое качество – моральная ответственность за проделанную работу. Громче скажу – ответственность за будущее поколение. Сегодня невооружённым глазом видно, насколько в нашей жизни поубавилось ответственности. После распада Советского Союза особенно было заметно, как она вытеснялась свободой, известной в народе «волюшкой-волей», как иссушивалась и скукоживалась, подобно «шагреновой коже». В советское время всё было наоборот – ответственность преобладала над свободой, она была в цене, как долг, как обязанность, хотя безответственности тоже хватало, как и несвободы. Что лучше и как связаны между собой эти два понятия, мне сложно разобраться, но человека в человеке в то время всё-таки было больше. Сейчас время проверяет в человеке человека. Поиск золотой середины между ответственностью и свободой никогда не прекратится.

Особенно это касалось сотрудников общества «Знание», так как они были посредниками между лектором и слушателями, а тут уже нужно было быть подобно диспетчеру на лётном поле. Те, кто этому соответствовал, не просто работал, а служил, переживал за свою работу и лично отвечал за качество проведённой лекции. Даже если мероприятие проходило в организационном плане не совсем качественно или с неудачным выступлением лектора, то из этой ситуации приходилось выходить предельно деликатно, сохраняя уважение к обеим сторонам.

Финансовая деятельность «Знания» основывалась на самокупаемости, что позволяло продуктивно и качественно осуществлять лекционную работу. Заранее заключались договора с разными организациями (можно сказать, почти со всеми), согласовывался план работы на весь текущий год. Сотрудники вовремя получали зарплату, а в конце квартала премию за хорошую работу. Лекторам, согласно их категории, аккуратно выплачивался гонорар.

Лекторий, где проходили публичные лекции с продажей билетов, считался главной трибуной города. Сейчас здесь находится органный зал. До установки органа в 1981 году его называли Лекториумом и Концертным залом филармонии. Главная трибуна предоставлялась только тем, кто отвечал этим требованиям и был лучшим из лучших. Местных учёных знали и поэтому на них шли, на приезжих, из Москвы и Ленинграда, шли за новым, интересным и познавательным.

Лектора-международника, преподавателя ТГУ Черкасова Николая Сергеевича всегда были готовы послушать, потому что он, зная иностранные языки, мог поделиться зарубежной информацией. Грайф Юрий Максимович – учитель, директор школы № 6, зная иностранные языки, был прекрасным обозревателем международного положения. На лекциях профессора-психиатра Красика Евсея Давидовича не было свободных мест. Его выступления поистине были образцом лекторского мастерства и по тому времени довольно смелыми, чтобы публично знакомить слушателей (мужчин и женщин отдельно) с такой наукой, как сексология. Или Родионченко Анна Алексеевна не один год читала цикл лекций по гинекологии для женщин, где она их не только просвещала, но консультировала и не отказывала в помощи.

Когда я видела по телевизору Ирину Александровну Антонову, вспоминала: а ведь эта известная всему миру женщина в 1974 году была в Томске. Директор Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, доктор искусствоведения, по линии общества «Знание» выступала с лекцией о том, как были найдены и спасены Красной Армией шедевры Дрезденской галереи во время Второй Мировой войны. Она была свидетелем происходящего. Когда в ящиках из Германии в Москву привезли более ста произведений искусства, в том числе полотна Рубенса, Тициана, то они почти все полностью были разрушены. Среди них «Сикстинская Мадонна» Рафаэля, при виде которой даже мужчины заплакали. Десять лет художники-реставраторы лечили больные картины. Они боролись за каждый миллиметр оригинального слоя краски. Шедевры были возвращены, как тогда писали, «немецкому народу» в 1955 году. Об этом историческом факте сняты документальные фильмы.

Через несколько лет мне удалось побывать в Дрезденской галерее и увидеть все возвращённые картины собственными глазами. Тогда думалось, что всё это могло, и по праву, принадлежать нам, а не Германии. Сегодня соглашусь с Гиппократом: «Жизнь коротка, искусство вечно».

Теперь перейду к тем людям, которые в 1983 году при обществе «Знание» создали интереснейший для студенческой молодёжи, как бы теперь сказали, проект под названием Межвузовский университет искусств (МУИ). Идея создания принадлежала преподавателям ТГУ, поистине энтузиастам, активным членам общества «Знание» – доктору философских наук Видгофу Владимиру Михайловичу и кандидату филологических наук Колесниковой Римме Ивановне. Для проведения четырёх факультетов – литературного, изобразительного искусства, театрального и кино – для студентов первых курсов всех вузов города – были привлечены: Государственный Русский музей, Всесоюзный Государственный институт кинематографии, Томский драматический театр и ведущие писатели страны. Для каждого факультета был разработан абонемент. Распространением и продажей абонементов занимались комитеты ВЛКСМ вузов. За отсутствием своего зала занятия проводились в Доме офицеров, Доме профсоюзов, клубах ТЭМЗа, ГРЭС, ТПИ, иногда в Доме учёных, кинотеатре имени Горького и кинотеатре «Октябрь».

Все лекторы были с учёной степенью – кандидаты искусствоведения или заслуженные деятели искусств. Они знали, как важно прививать молодёжи вкус к художественной культуре, которая в будущем им обязательно при-

годится – украсит их жизнь, сделает её более интересной и содержательной. Хржановский Андрей Юрьевич – известный сегодня на весь мир мультипликатор, режиссёр и сценарист – в кинотеатре имени Горького рассказывал о природе мультипликации, показывал свои фильмы «Стеклянная гармоника» и «Жил–был Козявин». Гусев Владимир Александрович – кандидат искусствоведения, сегодня директор Государственного Русского музея, академик РАХ, лауреат Государственной премии РФ – проводил лекции по творчеству русских художников. В один из приездов в Томск у нас не состоялась лекция в ТПИ, всех первокурсников отправили на какое-то более важное мероприятие. Организатор извинилась перед нами и ушла, а мне стало стыдно и обидно до слёз, гляжу – и у Владимира Александровича глаза на мокром месте, но мы быстро сменили настроение и посмеялись над собой. Из технических средств тогда были диапроектор, диапозитивы и экран. Условия для общения с произведениями искусства были, на мой взгляд, самыми подходящими – полное ощущение нахождения в самом музее, да ещё с искусствоведами такого уровня, как, например, с кандидатом искусствоведения Боровским Александром Давидовичем. Он не раз приезжал к нашим студентам и рассказывал о современном искусстве. Сегодня он нередкий гость на центральном телевидении.

Усилиями Золотухиной Аллы Николаевны – доктора искусствоведения, проректора по учебной работе ВГИКа, в нашем университете искусств проводились занятия по учебному курсу для студентов Института кинематографии. Благодаря преподавательскому опыту Турицына Валерия Николаевича, Туляковой Веры Владимировны, Золотухиной Аллы Николаевны занятия по кино среди студентов были самыми популярными.

Сложностей в организации и проведении таких лекций было предостаточно, но наши удивительные гости из Москвы и Ленинграда, живые и любознательные студенты, делали подобную форму учёбы уникальной. Кстати, ни при одном обществе «Знание» в других городах, как мне было известно, подобной работы со студентами не проводилось. Мне не раз приходилось делиться опытом МУИ на Всероссийских семинарах, но дальше Томска это дело не пошло – похоже, такая идея могла зародиться только на нашей вузовской почве, у людей, увлечённых просвещением. Тут не умаляется заслуга комсомольских организаций города и вузов того времени.

Литературный факультет должен был включать в себя встречи с известными писателями страны. Первыми в расписание, по их согласию, были включены Астафьев Виктор Петрович и Распутин Валентин Григорьевич. Сразу скажу, первая встреча с Виктором Петровичем, которого ещё при жизни называли выдающимся российским автором, была началом и концом всей нашей замечательной затеи. В «Знании» готовились и ждали, думали, что его приезд в наш город создаст эффект культурного взрыва среди студенческой молодёжи. Взрыв произошёл – все работники идеологического фронта были выведены из зоны комфорта. В переполненном актовом зале ТУСУРа от писателя-фронтовика услышали правду о войне, которая никак не совпадала по идеологическим соображениям с мнением определённого круга людей. Такова была интрига той встречи.

Как же, надо сказать, повезло студентам театрального факультета, что перед каждым спектаклем с ними вёл беседу (не лекцию читал) главный режиссёр Томского драматического театра, заслуженный деятель искусств Феликс Григорьевич Григорьян, яркая личность, человек удивительного таланта. В тот период о театре отзывались самыми восторженными словами, говорили, что «подобных театров не видели, включая Москву». Много было в театре талантливых актёров. Все спектакли, поставленные Феликсом Григорьевичем, были интересными и значительными: «Солёная падь» по роману С. Залыгина, «Женитьба» Н. Гоголя, «Гроза» А. Островского, «Сирано де Бержерак» Ростана. Многие студенты – по разным причинам – поверхностно были знакомы с театром, но он их с первой встречи настраивал на высокое искусство, говорил о его сложном поэтическом языке. Давал им, как он говорил, «толчок, чтобы войти в поэтическую сферу». Спектакли были наполнены эмоционально и энергетически, в них были смех и слёзы, и поговорить было о чём. После отъезда Феликса Григорьевича из Томска театр возглавил Михаил Борисович Борисов. Он продолжил работу со студентами, разговор уже шёл о поставленных им спектаклях: «Эшелон» М. Рощина и «Ночная исповедь» А. Арбузова.

Мой рассказ о тех, кто знает больше, будет неполным, если я не вспомню Муравьёву Лидию Васильевну, кандидата исторических наук, ответственного секретаря правления Томской областной организации общества «Знание». По её приглашению началась моя работа в этом коллективе. Через много лет, на её 90-летие, мы встретились в «Центре татарской культуры», где она была сотрудником – три раза в неделю проводила экскурсии по музею. На празднике было много гостей и её большая семья: дети, внуки, правнуки. Глядя на достижения Лидии Васильевны, одно могу сказать: там, где она была, всё вокруг росло, как в хорошем огороде, любое семечко давало плоды.

Почти весь свой юбилей она простояла на ногах, старалась каждому на поздравление ответить добрыми словами. В 2020 году позвонила мне перед Днём Победы, попросила написать эпитафию в стихах, «что-нибудь свеженькое» к стенду, посвящённому ветеранам войны. Написала, отправила, но больше я с ней не говорила. В моей памяти она останется образцом вдохновения на жизнь.

АТМОСФЕРНОЕ НАСТРОЕНИЕ

В судьбоносные моменты жизни Томску удавалось принимать верные и разумные решения, которые позволяли идти в ногу со временем – развиваться, преумножать знания, быть всегда молодым, создавать приятную для людей атмосферу. Как пример. Совсем недавно в центре города стоял завод резиновой обуви (ТЗРО), специфический запах от его производства распространялся по всей округе до конца 1970-х годов. В 1941 году, тогда «Красный богатырь», во время Великой Отечественной войны был эвакуирован из Москвы и размещён в бывшем здании Богоявленского собора, заложенного в 1777 году и освящённого в 1784 году. Когда завод перевели на новую промышленную площадку, перед томичами предстал бывший символ православной веры руина-

ми, пугающей разрухой и упрёком всем нашим деяниям. Без купола и крестов он простоял ещё два десятка лет.

Глядя на изуродованное тело храма, всегда думалось, что если в ближайшее время он будет восстановлен, то в стране всё наладится. В 90-е мы все искали вокруг себя и внутри хоть какую-то опору и надежду на лучшее.

В начале 2000-х в городе появились зримые знаки возрождения. На площади Ленина, на старом месте, восстановили часовню Иверской Божией Матери, а в январе 2003 года, в канун Крещения, освятили восстановленный в первоизданном виде Богоявленский собор. Впервые в жизни, как и многие, я пришла в новый храм за крещенской водой. В правом приделе из пластмассовых бочек людям разливали в разные ёмкости освящённую воду. Народу пришло больше, чем надо, все стояли вплотную друг к другу и вели себя шумно, как в магазине за дефицитным товаром, который спасает душу и тело. Мы все тогда путали «божий дар с яичницей».

Сейчас мне нравится быть в Богоявленском соборе, восхищаться порядком и чистотой двора, со стороны любоваться куполом и крестами на фоне неба и умиротворяться. Богоявленский храм несколько гармонизировал собой центр города, создал атмосферу спокойствия и утешения. При этом рядом стоящие respectable жилые дома создают двоякое впечатление – то ли наступают на него, то ли хотят быть поближе.

Гости хвалят город, отмечают его атмосферу, называют её культурной, интеллектуальной, студенческой, неповторимой... А какие, например, сегодня эмоции и переживания могут вызвать у томичей два культурно значимых здания Томска – Киномир (Кинотеатр имени М. Горького) и Дом офицеров? Как бы хотелось, глядя на них, испытать чувства, подобные Богоявленскому собору. Находясь в выгодном географическом положении, в центре города, они по разным причинам замерли и обезлюдели. Дом офицеров – украшение проспекта Ленина, «застывшая музыка», символ статуса города, перестал для горожан быть праздником жизни.

С этим Домом связано много приятных воспоминаний. Спроси любого старожила об этом, и он ответит: «О, да!». Значит, он ходил на столичных артистов, музыкантов, кинорежиссёров, на лекции по различным отраслям науки и искусства и даже на танцы. Это был театр и кинотеатр, сюда можно было сходить на повторный фильм. Например, полюбившийся зрителям французский «Колдунья» с Мариной Влади, который демонстрировался не один год. Притягательную силу Дома офицеров не раз приходилось испытать на себе: вдали от города через какое-то время начинала скучать и вспоминать именно это место. Таких людей, мне кажется, много.

Кинотеатр «Киномир» закрыт с 2017 года. Там сегодня идёт ремонт, после него хотят здание сдать в аренду. Вот только кому? Правильно было бы отдать здание томскому кинопрокату и сопроводить известной поговоркой: «Где родился – там и пригодился». Это значит, что здание кинотеатра должно использоваться по назначению и с пользой для томичей. Его возрождение централизует и сфокусирует прокатную деятельность города, приумножит любителей кино, повысит зрительскую культуру тех, кто уже разучился или давно

не видел фильмы на большом экране. Смотреть их в оснащённом современной цифровой техникой зале – одно удовольствие, мы тогда получаем все те эмоции и смыслы, которые были заложены авторами фильма. Все остальные, даже очень хорошие в техническом плане домашние просмотры, по интернету или телевидению, такого дать не могут. Только представить, что Киномир, как Областной драматический театр, как Большой концертный зал, стоит на видном месте с яркой рекламой отечественного кино, подчёркиваю – отечественного кино, и притягивает к себе внимание потенциальных зрителей. Находясь в центре города, даже в нарушение своих планов невольно зайдёшь и посмотришь какой-нибудь хороший фильм.

На правах киноведа позволю себе немного высказаться о состоянии нашего кино на сегодняшний день. За последние годы наш кинематограф многое упустил, перестал постоянно общаться со своим зрителем. Но свято место пусто не бывает, его заполнил американский кинематограф, и мы не заметили, как стали американскими зрителями, становясь чужими для себя. Теперь придётся нам заново знакомиться с собой и многое узнать про себя.

Были времена, когда в кинотеатр трудно было попасть и билет надо было покупать заранее, при этом отстоять длинную очередь. Например, на экранизацию фильма «Война и мир» (1965 г.) режиссёра С. Бондарчука очередь стояла на улице, всем хотелось первыми попасть на фильм, чтобы потом лично, от себя поделиться впечатлениями. Кстати, фильм «Война и мир» (1956 г.) американского режиссёра Кинга Видора, где в роли Наташи Ростовской снялась известная актриса Одри Хэпберн, помог мне в девятом классе с большим пониманием прочитать роман «Война и мир».

Реклама проекта того времени «С экрана на сцену» привлекала всех без исключения. Встречи с создателями фильмов – режиссёрами, актёрами, композиторами, операторами – были настоящим праздником для зрителей, культурным событием города.

Сегодня нам заново надо начинать знакомиться со своей страной. Отечественный кинематограф вполне готов, это видно по премьерным картинам, превратить нашу продукцию в инструмент влияния не только внутри страны, но и за её пределами.

Р. С. Признаюсь честно, сегодня я смотрю на бывший кинотеатр имени М. Горького с грустью. Что-то чужеродное (не значит плохое) сильно ему противостоит и мешает стать кинотеатром завтрашнего дня. На фронтоне здания графическая фигурка, символизирующая спорт, а под ней лозунг: «Жизнь – лучшее кино» с посылом, как мне кажется, что кино тут не место.

НАХОДКА ДЕТСТВА

Мудро высказался Фазиль Искандер о детстве: «Все счастливые находки детства – это кредит судьбы, за который потом расплачиваешься».

Первый поход в кино, в шесть лет, со своей тётёй, остался в памяти яркой фотовспышкой: небольшой сельский клуб, лавки рядами, экран из простыни, и тут же стрекочущая киноаппаратура с ярким световым лучом. Фильм назы-

вался «Близнецы» – с популярными в то время актёрами театра и кино Людмилой Целиковской и Михаилом Жаровым. От ожившего экрана и громкой музыки я сползла на пол и так просидела весь фильм. На уговоры тёти сесть на лавку не поддавалась, говорила, что мне здесь хорошо. Первый французский документальный фильм братьев Люмьер «Прибытие поезда» (48 секунд, 1896 год) такое же произвёл впечатление на зрителей – испуг, им показалось, что поезд движется прямо на них.

Если бы мне пришлось попасть в прошлое, как это бывает в фантастическом кино, я бы обязательно встретила с той девочкой, которую напугал первый в её жизни фильм, обняла бы и сказала: «Не бойся, это твоя находка. Спасибо тебе за неё».

В те далёкие времена своего детства неопишуемой радостью было услышать с улицы крик мальчишек: «Киньщик приехал! Кино привёз!». В подходящий момент я бежала в клуб, чтобы уточнить название фильма. У детей в деревне, как и у взрослых, тоже была своя работа, без разрешения оставлять нельзя было. Зимой в обязанности входило почистить снег во дворе и за воротами, напилить сырых дров и вместе с сухими занести в дом. Всё лето приходилось кормить и пасти гусят, утят, цыплят, охранять их от сорок, ворон и коршунов, полоть траву в огороде, носить воду с речки, чтобы вечером полить огурцы, капусту, помидоры, когда и пол помыть. А ещё с утра пораньше с кем-нибудь сходить за ягодой, например, за клубникой, пока другие люди её не оборвали, и обязательно принести домой целое ведро, желательно с верхом, суметь, когда надо, и корову подоить. Всё, что перечислила, чистая правда. Нас рано учили помогать родителям – косить траву, убирать сено – растили для себя помощников, готовили к нелёгкой деревенской жизни. Играть и читать книжки приходилось вперемешку с учёбой и домашней работой.

Чтобы сходить в кино, нужно было заплатить в то время 5 копеек, а взрослым 10. Но и эти 5 копеек нужно было где-то достать. У нас в доме, как я знала, с этим было туго. Деньги у колхозников, как бы теперь сказали, были виртуальными и назывались трудоднями или палочками, поэтому просить их было неловко, тем более – на развлечение. Родители из разорённых коллективизацией семей умели жить в нужде и с ней неплохо справлялись: мы всегда были сытыми, одетыми, обутыми и даже имели лыжи, коньки и велосипед. Надо было думать, как их раздобыть. Единственный товар, за который давали в магазине деньги, это были куриные яйца.

Летом куры неслись хорошо, яиц в доме хватало, но они все были у бабушки на счету. Тогда я приспособилась следить за курицами, которые по недогляду могли выскочить из курятника и где-нибудь в укромном месте снести. Я находила это яйцо, бежала с ним в магазин и домой возвращалась с пятакон.

Самыми любопытными и активными зрителями были ребяташки от 7 до 12 лет. Киномеханик поручал расклеивать написанные от руки афиши, и они с радостными криками разносили эту весть по всей деревне. За это их на фильм пускали бесплатно. Места на лавках мы занимали заранее, где-то за два часа до сеанса. Клуб – бывший жилой дом – едва вмещал всех желающих. Мы знали, что если народу придёт больше, чем мест (а так было всегда), то нам опять сидеть на полу. Взрослые придут и скажут: «Кыш отсюда, школьники, стар-

шим надо место уступать». И мы, как по команде, садились на пол, прямо в проходе, в 2-х метрах от экрана. Киноаппаратура устанавливалась тут же, рядом со зрителями, работала от электромотора и очень громко стрекотала. До подключения нашей деревни к линии электропередач (ЛЭП) электричество подавалось от местной водяной мельницы, у которой, как говорили, не хватает тяги. Фильм показывали по частям, киноплёнка то рвалась, то плавилась. Недовольство выражалось шумно и даже нецензурно, так что фильм не всегда могли досмотреть за один вечер.

Когда экран перенесли на задник сцены, то нам пришлось последовать за ним и теперь уже смотреть лёжа на животе, подперев голову руками. Если кто-то не выдерживал такой позы долго и пытался перевернуться на бок, то тут же следовал окрик: «Колька, убери голову, Лёнька, убери свою башку». В таких условиях фильм трудно было досмотреть – по окончании нас почти всех находили спящими. До кое-кого надо было ещё добудиться.

Какие-то отдельные кадры, запоминающиеся детали и события, связанные с кино, подобные фотовспышкам, помогают восстановить картину той среды, в которой рос и воспитывался. Быть ближе к экрану оправдывалось не только нашей любовью к кино, но и желанием буквально войти и стать героями фильма. И мы входили, пусть даже в виде тени наших голов на экране. Пели песню «Бродяга я, ко мне, друзья» из музыкального фильма «Бродяга» с известным ту пору и популярным у нас в стране актёром и режиссёром Раджем Капуром. Летним тёплым вечером, в сумерках, на улице около клуба смотрим фильм С. Ростозкого «Земля и люди», веселимся, стараемся, как вроде незначай, мелькнуть во весь рост на экране. Мы были непосредственными и эмоционально восприимчивыми. На «Молодой гвардии» плакали, громко смеялись на «Трактористах», говорили, что наши победили, если даже это был фильм японского режиссёра Акиры Куросавы «Семь самураев». Экран был заманчивым образцом для подражания. После «Карнавальная ночь» попросила маму и бабушку сшить мне платье из ситца, как у Людмилы Гурченко. После просмотра документального фильма про Кубу – сама себе сшила чёрную рубашку-кубинку. Деревенский зритель в клуб приходил, как к себе домой, со своим, как бы теперь сказали, попкорном – летом с подсолнухами, зимой с кедровыми орехами и семечками. В углу на видном месте всегда стоял берёзовый веник-голик. Насорил – подмети!

Киномеханику в то время приходилось в одном лице выполнять все работы, связанные с показом фильма: продавать билеты, отрывать контроль, следить за «зайцами», которыми всегда были мальчишки. Безбилетники прятались среди взрослых, но он их вылавливал и силой выпроваживал из клуба. Ситуация унижительная для всех, но поучительная. Быть свидетелем унижения, хоть к кому, всегда отзывается во мне физической болью. У меня к этому чувству врождённое отвращение. Не в похвалю было сказано.

Бывало и такое – «кина не будет – киньщик пьяный». Наше неуважение к нему росло, а тут ещё сказали, что нас не пустят на французский фильм «Фанфан-тюльпан» с красавцем Жераром Филипом и с богиней красоты Джинной Лоллобриджидой. До нашей деревни крылатое выражение – «увидеть Париж и умереть» – долетело. Детей до 16 лет не пускали, говорили, что это кино про

любовь и только для взрослых, а нас это ещё больше подогрело. Мы в клуб всё-таки пришли, сели на лавки и ждём, но нас выгнали, а дверь закрыли на крючок. Мы кричали, стучали в окна, в дверь, и когда киньщик в очередной раз вышел, чтобы нас успокоить, мы вступили с ним в борьбу за право «увидеть и умереть».

С утра уже вся деревня знала, что киномеханик был у директора совхоза и пожаловался на нас, показал поцарапанные и покусанные руки, сказал, что больше к нам не приедет. И мы притихли, так как без кино уже себя не мыслили. Для нас оно было окном в мир, познанием всего нового и неизведанного. Когда сегодня детей ограничивают в общении с интернетом, они также начинают протестовать, отстаивать право на своё окно в мир будущего, потому что оно по рождению принадлежит им. Здесь я не исключаю контроль взрослых.

«Фанфана-тюльпана» я всё-таки подсмотрела, буквально в окно. Зацепившись за наличник, я тихо постучала, и мне приоткрыли чёрную шторку. В щёлочку были видны вытянутые фигуры и такой же вытянутый Жерар Филип в широкой белой рубашке. Вот всё, что запомнила. Но французский документальный фильм «Поёт Ив Монтан» посмотрела полностью, сидя на лавке.

Наша деревня Дубровка на глазах менялась к лучшему: до нас дотянули ЛЭП, провели в каждый дом радио. По нему мы узнавали, что в Москве, Японии, Америке, в Томске смотрят кино дома и что его показывают по телевизору. По тому же радио 4 октября 1957 года услышали сенсационное сообщение о запуске в СССР первого искусственного спутника Земли. Его сигналы до сих пор по радио напоминают о том памятном дне. 12 апреля 1961 года произошло ещё одно грандиозное событие – полёт Юрия Гагарина в космос. В тот тёплый, солнечный день на школьном дворе мы услышали по уличному радио ошеломляющую новость, и нашему «Ура!» не было конца, словно это мы запустили в космос из нашей деревни Юрия Гагарина. Побывав, в прямом смысле, на небесах, Гагарин вдохнул в нашу страну и её людей такую мощную эмоциональную энергию, что пока сравнить её не с чем. Это была энергия всемирного восторга. Были и другие, не менее грандиозные события в нашей стране и за рубежом, связанные с научными достижениями, но они уже были другими, более спокойными. Мы ещё не знали, что учёные открыли другую для нас энергию – энергию для разума, под названием Интернет.

В то время наш детский взгляд менялся вместе с миром – нам хотелось учиться в новой школе, иметь новый клуб с хорошим кинозалом, как в городе. Наши желания сбудутся: построят среднюю школу, двухэтажный клуб с библиотекой, кинозал со стульями и кинобудкой, откуда каждый вечер местный киномеханик будет показывать новые фильмы. Но это уже будет без нас. Мы окончим школу, покинем свою деревню и пойдём по жизни каждый со своей «находкой».

РАВНЕНИЕ НА СОВЕСТЬ

Прошло более 30 лет с того «зеркального» 1991 года, когда в нашей стране произошёл государственный переворот. Сегодня 90-е называют «лихими» – это уже отдельный исторический период, который требует размышлений.

Россия обновлялась и вырывалась на свободу. Кинематограф демонстрировал видимые образцы свободы и тоже становился не менее бедовым: взрослых раскрепощал, подростков – развращал. С появлением видеомагнитофонов, начиная с 80-х годов, народ всё больше стал смотреть фильмы в домашних условиях. Среди них особое место занимала продукция подпольного изготовления под названием «эротика», за которой скрывалась порнография из Германии, Италии, США. Об этой виртуальной «любовной забаве» знали все: её обсуждали, её осуждали, смотрели ночью и днём, даже на рабочих местах, в целом к новому явлению в нашей культуре относились снисходительно, как к некоей игре в удовольствие. Появлялись приметы свободного цивилизованного мира, где мы невольно становились его частью.

В середине 90-х, можно сказать, порнография в Томске легализовалась. Демонстрация на большом экране БКЗ двух ударных в этом жанре художественных фильмов «Империя чувств» (Япония) режиссёра Нагисы Осимы и «Калигула» Тинто Брасса являются тому подтверждением.

Томичи, особенно любители кино, о скандальном происхождении фильмов знали. На престижном Каннском кинофестивале несмотря на мировую известность кинорежиссёров и популярных актёров полиция в прокат картины не пустила, определила им место в порнокинотеатрах и «Только для взрослых». Фильмы снимались ради скандала, и в этом они явно преуспели – товар оказался востребованным.

На фоне завоевания публичного пространства эротикой мировая киноклассика уходила в тень, становилась не востребовавшей массовым зрителем. Подпольная видеопродукция маскировалась под эротику, отвоёвывала у городского кинопроката самого активного зрителя, молодёжь от 15 до 25 лет, для своего бизнеса. Таким образом, порнография стремилась добиться признания и стать в один ряд с мировым кинематографом. «Ради искусства можно появляться на сцене и обнажённым, но вернуться оттуда надо не только одетым, но и более чистым» (Ч. Чаплин).

Настоящее кино всегда руководствуется интересами человека, оно создаёт образ, где заключена глубокая мысль. Порнография строит простые картинки и обращается к инстинктам человека, где попирается любовь и унижается личность. Закон о порнографии у нас в стране тогда ещё не вышел («Чёрный список», касающийся порнографии, начал действовать с ноября 2012 года), и поэтому она беспрепятственно становилась частью искусства, показателем степени свободы личности.

Наглость всегда ставила культуру в тупик, потому что разные у них цели и задачи. Культура предполагает самоограничение, а наглость – полную свободу, которая берётся ниоткуда и идёт никуда. Когда на кафедру культурологии и социологии ТУСУРа пришли представители от Томского кинопроката и правоохранительных органов с просьбой написать инструкцию или методичку, связанную с порнографией, стало понятно, что из «альтруистических соображений» мне придётся, как по долгу службы, так и по совести, выполнять противную моей душе работу. Для начала поставила себе защиту – прочитала несколько раз «Отче наш». Видеокассеты, изъятые у продавцов и работников частных видеосалонов, можно было по первым секундам, стоп-кадрам опре-

делить, что это порнография. Со студентами на занятиях по «Истории кино» разговор о порнографии не затевала, но просила честно ответить на вопрос: «Кто знаком с таким жанром, как жёсткая эротика?». Почти все.

Было бы к месту в то время рассказать случай из маминого детства. В 1929 году мамину семью из восьми человек раскулачили и сослали в Нарым Томской области, где даже в мае весной не пахнет. С паромы их высадили на берег Оби, в снежное, безлюдное место. К счастью, неподалёку жил лесничий, и он всю семью приютил в своей бане. Летом этого года дедушка построил избушку, а чтобы кормить семью, гнал из берёзы дёготь и продавал. Ему помогала 12-летняя мама, иногда она брала с собой пятилетнего брата, за которым надо было присматривать. Как-то она недоглядела за ним и стала искать – видит, что он стоит в лесу и с кем-то разговаривает, но рядом с ним никого. Она тихо подошла и спросила: «С кем ты говоришь?». – «С тётёй, она мне дала пряников и конфет, зовёт с собой, у неё их много, но она не велела никому об этом рассказывать, а то мне будет плохо». Ребёнок тогда явно недоедал, а сладкого совсем не видел. В руках он держал сухой помёт диких животных. Мама всё дословно передала дедушке.

Где-то к ночи с ним стало происходить что-то невероятное: его голову кто-то невидимый тянул к ногам, от боли он мог только громко кричать и плакать. Обнять, прижать к себе, распрямить тельце было невозможно – никто не мог преодолеть свалившуюся на ребёнка силу. В то время к ним часто заходил сосланный монах, Иван Михеич, побирушка. Икона и его молитва спасли мальчика. Больше с ним подобного не случилось, но жизнь его была короткой – в 18 лет взяли на фронт, а вскоре пришла похоронка. Если бы меня тогда спросили: «Это правда?», я бы ответила: «В Государственной Третьяковской галерее есть картина Михаила Нестерова «Видение отроку Варфоломею», посвящённая преподобному Сергию Радонежскому. Сюжет картины художник взял из «Жития преподобного Сергия». Однажды отец послал Варфоломея за лошадьми в поле. По дороге он встретил посланного Богом ангела в иноческом образе, который стоял под дубом и совершал молитву. Мальчик стоял и ждал. По окончании молитвы старца Варфоломей сообщил ему о своём желании знать грамоту и неспособности одолеть её. Старец продолжил молитву за отрока, благословил его, поцеловал, достал сосуд и дал Варфоломею частицу поспиры». «Неокрепшая душа пойдёт за любым водителем» (А. С. Пушкин).

Разговор о порнографии завела не случайно, потому что низменное в нашей культуре присутствует, и в любое время может активизироваться, стать нашим сегодня. Вступать в полемику с пошлостью – глупо, едва ли удастся выйти из неё победителем. Но на всякое действие всегда имеется противодействие, в данном случае мировая классическая культура.

НЕДОВЕРШЁННЫЙ ЭСКИЗ

Культура закладывается в молодости, на себе проверено. Когда по глупости в детстве делала что-то не то, мама говорила: «Это некрасиво». Не ругала, не наказывала, но мне всё равно становилось как-то неловко и даже стыдно. Эти

слова для меня оказались заветными – равнением на собственную совесть, в нужный момент мерилом между понятиями хорошо и плохо, красиво и не красиво. Оговорюсь, в своих размышлениях мне приходится приводить примеры из своей жизни не для того, чтобы как-то выпятить себя (упаси Бог), а чтобы соответствовать жанру «от первого лица», где предполагается искренность и доверие к читателю.

В массовой культуре молодёжь чувствует себя более органично – здесь грамота не нужна, она предназначена для отдыха и развлечений, а вот художественную культуру надо постигать своим трудом, хотя бы почаще с ней общаться. Пусть даже на уровне: «Я это видел, я это слышал», видел иконы Андрея Рублёва, скульптуры Микеланджело, картины Сурикова, Веласкеса, Моне, Иванова, Пикассо... Смотрел фильмы Чаплина, Антониони, Тарковского, Бергмана, Урсуляка, Вуди Аллена... Слушал музыку Рахманинова, Чайковского, Шнитке, Баха, Моцарта... Пусть виртуально, но совершил экскурсии по Эрмитажу, Русскому музею, Лувру, по галерее Уффици... Знать имена великих творцов искусства – уже полезное дело для себя сделал. При этом массовая культура и классическая друг другу не мешают. Молодым, при желании, можно с лёгкостью их совместить, например, днём сходить в художественный музей, а вечером на дискотеку. Это я в порядке пожелания.

Всё новое всегда немного пугает, и чтобы снять недоверие, завладеть вниманием и даже вызвать улыбку у студентов приходилось говорить, что из математики помню таблицу умножения, а из физики «правило буравчика». Что классическое искусство не надо игнорировать – оно создавалось для всех и для каждого, как алфавит, который позволяет нам читать и писать. Если ты умеешь читать, то можешь научиться чему угодно. Было бы желание. Что искусство – всегда метафора действительности, что у искусства свой язык, что оно познаётся только через общение с ним, что процесс понимания его может быть мучительным, а может быть интересным и увлекательным, – ответ будет только вашим и таким, как вы его понимаете. Подобное чувство испытываешь в пограничном состоянии между сном и пробуждением, когда надо бы открыть глаза, но не можешь, изо всех сил стараешься, но сон снова тянет тебя в свои потёмки, говорит, что «нет-нет, ты ещё не доспал». Иногда удаётся вырваться из его крепких объятий, глубоко вдохнуть и обрадоваться увиденному свету.

На моё «пробуждение» повлияли три удивительных встречи, ставшие своего рода камертоном, настраивающим на восприятие искусства – это народный музыкальный ансамбль Д. Покровского; художественный фильм режиссёров Л. Шепитько и Э. Климова «Прощание»; фильм-балет в постановке Ю. Григоровича «Спартак». Три разных по форме и содержанию вида искусства вызвали тогда во мне слёзы, вошли в моё сердце глубоким эмоциональным потрясением.

Искусство задаёт нам вопросы, а мы, как можем, на них отвечаем. Все с детства знакомы с картиной В. Васнецова «Богатыри», но не все из нас запомнили такие детали, как, например, оружие в руках у каждого из трёх богатырей: меч, копьё, булава, лук и лютня у Алёши Поповича. Если, не торопясь, внимательно

приглядеться к воинам, то нам могут раскрыться не только их характеры и судьбы, но и веками воспетая в былинах наша история.

Приведу пример. Первокурсникам было известно растиражированное рекламой изображение скульптуры «Мыслитель» («Поэт»), но назвать автора этой работы без подсказки интернета они не смогли. Документальный фильм «Роден» о жизни и творчестве великого скульптора Огюста Родена смотрели внимательно и заинтересованно. Предварительный разговор о природе пластического искусства, о его стилях и направлениях, помог настроиться на восприятие фильма, открыть для себя много нового в наследии скульптора. После таких занятий хочется надеяться, что мои студенты не посадят «Мыслителя» на унитаз, не подрисуют «Джоконде» усы и не скажут при виде, на их взгляд, простой картины: «И я бы так мог». Потому что они не захотят услышать в ответ: «Ты бы так мог, а он (она) это сделал». Чёрный квадрат любой нарисует, но почему-то автором картины «Чёрный квадрат» является Казимир Малевич – один из ведущих художников русского авангарда. По этому поводу им когда-то было сказано: «Все требуют от искусства, чтобы оно было для всех понятно, но никогда не требуют от себя, как приспособить к нему свою голову».

Добавлю. Настоящее произведение искусства несёт в себе энергию, мысль, эмоцию. Если при общении с ним произойдёт нечто такое, от чего наши душа и сердце отзовутся слезой – порадуемся за себя. После подобных встреч мы будем не просто смотреть, а созерцать с молитвенным взглядом и получать от искусства наслаждение. Но для этого нужно время – наше личное время. В поп-культуре, в клиповой культуре (сегодня помним, завтра – нет), селфи-культуре – такого не произойдёт, здесь время бежит, время – деньги, а это уже другие ценности и другое от них удовольствие.

МЫСЛИ ЗВУКОВ

Что такое искусство? Тут я сошлюсь на кинорежиссёра А. Тарковского: «Художник существует только потому, что мир несовершенен». Композитор Ф. Гуно так сказал: «Искусство – это сердце, способное мыслить».

Что такое произведение искусства? «Прежде всего это попытка понять смысл жизни. Мы пытаемся найти ответ на этот вопрос уже многие тысячи лет, но никак не найдём» (А. Кончаловский). Дать определение искусству можно, но оно у каждого будет своё. Однозначного ответа нет.

Приведу три эпизода из трёх выдающихся фильмов: «Андрей Рублёв», Россия; «Кабаре», США; «Любовное настроение», Китай. Послушаю звук живой души.

МОЛЧАНИЕ

«Наверное, сильно согрешил, давно молчит», – говорит монах Кирилл про чернеца-иконописца Андрея Рублёва в одноимённом фильме А. Тарковского. Андрей Рублёв дал обет молчания после «смертного греха» – убийства че-

ловека в храме. При очередном набеге татар, спасая девушку-сироту от насильника, он убивает его топором. В разрушенном храме, где идёт снег, в полной растерянности Рублёв исповедуется духу великого иконописца и учителя Феофана Грека. Мудрые слова наставника: «Замахнулся на зло, а убил человека. Бог простит, только ты себе не прощай», – помогают сделать выбор. Он сам себе судья. Молчание станет громче крика, страшным судом – самой большой работой его души.

КРИК

«А-а-а-а!» – громко, что есть мочи кричала Салли, главная героиня фильма «Кабаре» американского режиссёра Боба Фосса.

Иногда, приходя на вокзал, она по сигналу прибывающего поезда бежала в туннель, чтобы до изнеможения накричаться под грохот быстро идущей машины и получить необходимый её молодому организму адреналин. За несколько секунд, на одном дыхании, Салли выдавала эмоцию такой силы, которая позволяла ей уже с первым глотком воздуха после крика почувствовать себя свободной, обновлённой и счастливой.

ШЁПОТ

Вот как в древности китайский монах сохранял свою тайну. Он поднимался в гору, подходил к дереву, проделывал дупло и шёпотом в него рассказывал тайну, а затем брал влажную землю и запечатывал её.

«Прошлое – это нечто, что можно увидеть, но нельзя коснуться», – говорит главный герой фильма «Любовное настроение» китайского режиссёра Ванга Кар-Вая. После расставания с любимой женщиной он подобно монаху, шёпотом, прикрывая лицо руками, доверяет свою тайну отверстию в колонне древнего храма, а затем затыкает пучком сухой травы.

Иногда сердце молчит, иногда кричит, иногда шепчет.